

А. Ф. Лемешев

БОЛЕЗНИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Белорусский государственный медицинский университет

A. Ph. Lemeshev

DISEASES OF THEODOR DOSTOEVSKY

Эпиграфом к этой статье взяты строки из Евангелия, которые гениальнейший писатель предпослал своему наиболее выдающемуся произведению – «Братья Карамазовы». В течение четырех лет каторги Достоевский читал Евангелие, которое было единственной не запрещенной книгой. «Каторжное» Евангелие писатель сохранил до последних дней и считал своей наиболее ценной вещью.

Тема, обозначенная в заголовке, представляет интерес с нескольких точек зрения. Во-первых, личность любого человека отражается в его реакциях на болезни, и даже величайшие гении человеческого духа похожи в этом на «простых» людей. Во-вторых, хочется привлечь внимание к личности самого выдающегося писателя и напомнить, что среди многочисленных талантов золотого века русской литературы, Достоевский считается непревзойденным знатоком человеческой души. Врач любой специальности должен хоть изредка перечитывать творения «античного гения» (определение П. И. Чайковского). В-третьих, Федор Михайлович Достоевский этнически, по крови является белорусом по меньшей мере наполовину. Наконец, последний довод наиболее обращен ad populum. Обыкновенные человеческие слабости и болезни великих людей всегда вызывали интерес. Ведь именно это делает титанов духа более понятными и близкими, более доступными. Сочувствие и сопереживание, направленные на общепризнанный талант, приближают последнего к рядовому человеку, превращают в осязаемую и понятную ипостась, которая также страдала и трепетала. Именно последнее соображение поддерживает человеческий интерес к биографиям выдающихся людей, включая их болезни и недуги.

Будущий гений родился 11 ноября 1821 г. в семье врача-гинеколога, который практиковал и жил в московской Марининской больнице для бедных (Божедомка). Надо полагать, что без всякого намека на будущность, мальчика окрестили Федором (Дар Божий: Theos – бог, dor – дар). Отец Феда был коренным белорусом из обедневшей пинской шляхты. Мать считалась русской, хотя в ее генеалогии есть также белорусы, например, Котельники. Дочь Достоевского в воспоминаниях прямо указывает на «литовско-норманские» (белорусско-варяжские) корни семьи согласно родовым преданиям [4]. Отец будущего писателя отличался скверным характером и немалыми склонностями к близкому знакомству с «зеленым змием», что неизбежно отражалось на формировании характера детей. Большинство исследователей полагают, что в образе Карамазова-отца писатель отразил многие действительные черты своего родителя.

О детских болезнях Федора известно очень мало, надо полагать, что всех детей в семье лечил отец-лекарь. Первая серьезная болезнь настигла будущего писателя в 18-летнем возрасте после получения известия о скорострительной смерти отца. Этим заболеванием была эпилепсия, которая преследовала Федора Михайловича всю жизнь. Среди родных Федора Достоевского и его биографов сложилось единодушное мнение, что существовала какая-то глубинная связь между смертью отца (отношения юноши и папы складывались очень непросто) и падучей болезнью. По крайней мере З. Фрейд, большой поклонник и почитатель Достоевского, выражал сожаление, что не встречался с пи-

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»

Евангелие от Иоанна. Гл. XII, 24.

сателем и не мог составить собственного мнения об особенностях личности и болезни гениального творца. Основатель психоанализа довольно прозрачно намекал на психогенный характер эпилепсии Достоевского и вполне вероятную связь с эдиповым комплексом.

В пользу неорганической, психогенной эпилепсии свидетельствует течение заболевания. Федор Михайлович страдал «падучей» болезнью всю жизнь с частотой приступов от нескольких в неделю до 1-2 в месяц. При таком течении следовало бы ожидать личностно-характерологических изменений через 10-15 лет, что и происходит с большинством больных. Достоевский уже в молодые годы отличался многими особенностями характера, но эти особенности нельзя относить к кругу эпилептических черт. Вот как описывает начинающего писателя А. Панаева, очень наблюдательная женщина, оставившая интереснейшие литературные записки. «С первого взгляда на Достоевского было видно, что это страшно нервный и впечатлительный человек. Он был худенький, маленький, белокурый с болезненным цветом лица; небольшие серые глаза его как-то тревожно переходили с предмета на предмет, а бледные губы нервно подергивались» [7].

Первый же роман Достоевского вызвал восторг у критика Виссариона Белинского и писатель сблизился с группой литераторов, которые собственно и составляли кружок Белинского. Поведение начинающего романиста среди коллег было, прямо скажем, достаточно вызывающим. Все та же Панаева, бывшая в кружке дамой-хозяйкой, пишет следующее: «Со временем застенчивость Достоевского прошла, он даже выказывал какую-то зазорность, со всеми заводил споры, очевидно, из одного упрямства и противоречия другим. По молодости и неопытности он не умел владеть собою и слишком явно выказывал авторское самолюбие и сомнение о своем писательском таланте» [7]. Свидетельству Панаевой можно доверять, ибо она прекрасно видела, что молодой Достоевский отчаянно в нее влюблен, а это не могло не льстить самолюбию женщины. В такой ситуации почти любая дама не будет возводить напраслину на тайного и несчастного воздыхателя. Да и написаны записки гораздо позже, зрелой и много повидавшей женщиной.

Почти то же самое свидетельствует В. Белинский. Когда ему передавали, что Достоевский считает себя гением, то он пожимал плечами и с грустью говорил: «Что за несчастье, ведь несомненный талант, а если он вместо того, чтобы разработать его, вообразит уже себя гением, то ведь не пойдет вперед. Ему надо лечиться, все это происходит от страшного раздражения нервов» [1].

Заносчивость и параноидальность молодого писателя раздражали окружающих. В результате родилась эпиграмма, сочиненная Н. Некрасовым и И. Тургеневым.

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыц,

□ Истории болезни великих людей

На носу литературы

Рдеешь ты, как новый прыщ и т.д.

Все исследователи признают, что у Федора Михайловича существовала какая-то неистребимая страсть враждовать, в первую очередь с литературным окружением. Эта черта прослеживается на протяжении всей жизни писателя. Из многочисленной когорты собратьев по перу Достоевский был близок до конца дней только с В. Майковым. С другими литераторами гений вел себя чрезвычайно неровно. Так после указанной эпиграммы он всю жизнь враждовал с И.С. Тургеневым, что не мешало просить денег в долг у последнего. Удивительный парадокс, просить материальной помощи у личного недруга! В одном из писем Белинского прямо сказано, что с Достоевским невозможно быть в нормальных отношениях, ибо он держит себя так, будто весь мир завидует ему и преследует его [1].

А вот собственное признание гениального писателя, написанное за четыре месяца до смерти, когда Достоевский был принят повсюду, даже в императорской семье. «И всех-то я обозлил, все-то меня ненавидят. Здесь в литературе и журналах не только ругают меня как собаки..., но пускают на меня разные клеветливые и недостойные сплетни» [3].

В первый петербургский (докаторский) период Достоевского лечил молодой доктор Яновский. Согласно его собственным воспоминаниям врач лечил своего пациента от золотушно-скорбута худосочия, от ипохондрических припадков, неоднократно оказывал помощь во время и после судорожных припадков. По всей видимости, доктор Яновский лечил молодого писателя бескорыстно, по дружбе. Далеко не все приступы эпилепсии протекали с судорожным синдромом, нередко они проходили как абсансы. Сам Федор Михайлович называл такие состояния «кондрашкой с ветерком», а врач Яновский описывал у пациента и друга эпизоды неадекватного поведения [8].

Через 10 лет, после каторги и пребывания в Сибири, абсансы исчезли и вместо них происходили судорожные эпилептические припадки. Сам Достоевский так характеризует себя перед каторгой. «Я был два года сряду (1846-1847) болен болезнью странною, нравственною. Я впадал в ипохондрию. Было время, что я терял рассудок. Я был слишком раздражителен с впечатлительностью, развитою болезнью, со способностью искажать самые обыкновенные факты» [3].

Здесь уместно отразить один факт из жизни гения, который относится к взаимоотношениям врача и пациента вообще. Со времен античности замечено, что по загадочной причине определенная часть больных не испытывает благодарности к лечащему врачу. Более того, возможно какое-то чувство неприязни, желание поскорее забыть того, кто оказывал помощь. Выдающийся медик средневековья Парацельс прямо указывал в наставлении будущим лекарям, чтобы они морально готовили себя к подобной участи. Нечто сходное произошло между доктором Яновским и Достоевским после возвращения писателя в Петербург. Последний «хорошо отблагодарил» своего прежнего врача и друга. Он затеял флирт с его женой-актрисой и горячо советовал этой даме уехать от мужа в Москву и там поступить в театр [8].

На каторге Федор Михайлович пробыл четыре года и провел их в омском остроге, после чего служил в сибирском линейном батальоне. О своих болезнях на каторге писатель прямо не упоминает, но отмечает, что нередко госпитализировался просто для отдыха от непереносимой острожной обстановки. Этот период ярко запечатлен в замечательном произведении «Записки из мертвого дома», где великолепно отражена обстановка на каторге в России в середине 19 века. Вот несколько коротких выдержек, характеризующих взгляд художника на тюремную медицину.

«Известно всем арестантам по всей России, что самые страдательные для них люди – доктора. Они никогда не делают между арестантами различия, как невольно делают почти все посторонние... человеколюбие, братское сострадание, ласковость к больному иногда нужнее ему всех лекарств. Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела». Перед первым посещением тюремной больницы Достоевский расспрашивал заключенных о нравах в местном госпитале. Вот его свидетельство: «Я уже и прежде слышал, что арестанты не нахваляются своими лекарями» [5].

Четырехлетнюю каторгу и последующую военную службу в Сибири писатель физически перенес на удивление хорошо. С одной стороны тут, по всей вероятности, сыграла роль душевная мобилизация, с другой – условия содержания заключенных были не в пример легче, чем в 20 веке в советские времена.

В 1859 году после 10-летнего перерыва Достоевский возвращается в Петербург и активно продолжает литературную работу. Эпилептические припадки время от времени повторяются. После очередного припадка у Федора Михайловича нередко бывает сумеречное состояние сознания, длящееся несколько часов. Нарушения настроения после приступа эпилепсии могли сохраняться до недели, вплоть до ощущения панического страха.

Новая болезнь возникает по свидетельству жены с 1867 года. Супруга называет это заболевание бронхиальной астмой, но тщательный анализ течения позволяет считать, что у Достоевского, страстного и заядлого курильщика, исподволь развивался обструктивный бронхит. По крайней мере за 14 последующих лет, вплоть до смерти, никто из окружения писателя не указывает на приступы удушья. Заболевание вначале характеризовалось продуктивным кашлем и небольшой одышкой при физической нагрузке. Затем одышка стала прогрессировать, затрудняя, например, подъем по лестнице. Федор Михайлович это описывает так: «Дышу, словно через вчетверо сложенный шерстяной платок» [3]. Однако, степень бронхиальной обструкции никогда не была критической. К примеру, за восемь месяцев до смерти Достоевский выступал в Москве в нынешнем Колонном зале (бывшее здание Благородного собрания) с речью и был в состоянии озвучить все закулисы этого немалого помещения. Разумеется, о технических средствах усиления тогда и помина не было.

Постоянным лечащим врачом во время второго петербургского периода в семье Достоевских был Я.Б. фон Бретцель. Периодически писателя консультировал проф. Кошляков. Начиная с 1874 года он назначает курсовое лечение сжатым воздухом – прообраз барокамеры. Воздух под давлением нагнетался под изолированный колокол, где пациент находился два часа, сеансы проводились три раза в неделю. Писатель и его близкие эффект лечения сжатым воздухом расценивали как значительный. Тем не менее, по совету того же проф. Кошлякова Достоевский четыре раза ездил лечиться на воды в Германию. О ходе лечения водами в Эмсе можно судить по письмам Федора Михайловича к жене. Гениальный писатель чрезвычайно тяжело переживал расставание с любимой «женушкой Анечкой, милым ангелом и дружочком», а также с детьми. Тяжесть разлуки смягчалась частыми и подробными письмами.

Здесь мы приближаемся к самому неясному пункту. Как известно, Достоевский погиб от легочного кровотечения в январе 1881 года. Что же было причиной фатального исхода? Вначале изложим ход событий, затем попытаемся их проанализировать и найти наиболее вероятное объяснение, ибо аутопсия не производилась.

Жена писателя, А.Г. Достоевская, в своих «Записках» отмечает, что в конце 1879 года по ее просьбе один из родственников осматривал супруга. Заключение таково, что эмфизема легких прогрессирует и может угрожать жизни, вследствие разрыва сосудов, которые «стали тонки и хрупки». Осматривал писателя двоюродный брат жены, врач-педиатр [2]. Версия о разрыве сосуда на почве эмфиземы, которой и далее придерживалась жена Достоевского, мне, врачу с 30-летним стажем, кажется маловероятной. Однако, возвратимся к хронике событий.

На фоне приличного самочувствия 26 января 1881 года после передвижения шкафа у себя в комнате у Федора Михайловича случилось небольшое легочное кровотечение. Во время осмотра лечащим врачом кровотечение повторилось в большем размере с потерей сознания. В тот же день состоялся консилиум в составе лечащего врача, доктора А.А. Пфейфера и проф. Д.И. Кошлякова. Консилиум оценил суммарную кровопотерю около 400 мл. Лечащий врач фон Бретцель всю ночь провел у постели больного, который спал достаточно хорошо. Следующий день проходит спокойно, но наутро 28 января Достоевский просит у жены «каторжное» Евангелие и сообщает, что должен умереть в этот день. Федор Михайлович благословил детей и, отослав их, благодарил жену за счастье в браке. Примечательны его слова: «Помни, Аня, я тебя всегда горячо любил и не изменял тебе ни-

когда, даже мысленно» [2].

Кровотечение повторяется около 11 часов и возобновляется в 7 часов вечера. Больной теряет сознание. Присутствующий доктор Н.П. Черепнин постоянно выслушивает сердце и впоследствии он сохраняет этот стетоскоп как реликвию. В 20 часов с минутами сердце гения остановилось.

Таким образом, за трехдневный промежуток кровотечения происходило четырежды, но объем его не был пугающим. Супруга постоянно находилась рядом и затем подробно отразила эти дни в дневнике. Разумеется, пост фактум очень сложно оценить величину кровопотери, однако вспомним, что после второго кровотечения отмечена длительная потеря сознания при объеме кровотечения около 400 мл.

При анализе танатогенеза, на наш взгляд, следует ответить на два вопроса. Первый – явилось ли кровотечение непосредственной причиной смерти, т.е. возможен ли был гиповолемический шок. Второй вопрос – какое заболевание вызвало кровотечение. На первый вопрос, по нашему мнению, ответ должен быть отрицательным. Жена писателя параллельно с аускультацией сердца держала умирающего за руку и подсчитывала пульс. Анна Григорьевна (наполовину шведка) являлась аккуратной и рассудительной женщиной и ее свидетельству можно верить – она уловила ослабление и урежение пульса лишь в последние несколько минут [2]. Каждый врач, который сталкивался с больными в шоковом состоянии, особенно в предагональном периоде, знает, что нитевидный пульс прощупать весьма и весьма не просто, порою чрезвычайно сложно. При этом следует иметь в виду, что особенно трудно прощупывать пульс при значительной гиповолемии и гипотонии человеку без медицинских навыков в тяжелейшем эмоциональном состоянии.

Ответ на второй вопрос представляет больше затруднений и, пожалуй, не может быть категоричным. Как уже отмечалось ранее, версия о разрыве сосуда вследствие эмфиземы, имеет очень низкую вероятность, что подтверждает практика работы с подобными пациентами. Теоретически не исключается возможность туберкулезного кровотечения. Легочный туберкулез являлся бичом людей в 19 веке и, кстати, первая жена Достоевского умерла от этой болезни. Однако, как ни удивительно, врачи 19 века без рентгенологических обследований очень хорошо умели выявлять туберкулез легких по крайней мере в стадии распада. Отметим, что за все годы никто из русских или немецких докторов не высказал и тени намека на туберкулез у писателя.

Из возможных причин кровотечения и смерти наиболее вероятными представляются две. Первая – рецидивирующая тромбоэмболия легочной артерии (ТЭЛА), которая чаще всего развивается именно после физического напряжения. Тем не менее, ТЭЛА редко сопровождается существенным кровотечением, гораздо чаще бывает кровохарканье. Вторая причина – нераспоз-

нанный рак легкого, возможно в сочетании с ТЭЛА. Подобное сочетание встречается нередко. На мысль о новообразовании легкого автора статьи натолкнуло письмо Достоевского к жене из Эмса от августа 1879 года. В письме подробно описывается осмотр местного врача Орта и последующая беседа. Смысл высказываний немецкого эскулапа был таков, что эмфизема есть, но лишь начальная. Далее честный немец добавляет, что вследствие эмфиземы сердце переменило свое прежнее положение, но само сердце как орган совершенно здорово. В этом месте на наш взгляд, немецкий врач допустил деонтологическую оплошность. Промаш заключался в том, что до того доктор убеждал пациента, что эмфизема лишь начальная и вполне излечима на водах Эмса. Тонкий наблюдатель и аналитик Достоевский тут же уловил несоответствие: «Конечно, он как доктор обязан даже говорить утешительные вещи, но если эмфизема еще только в начале уже произвела такие эффекты, то что же будет потом?» [6].

Но самое интересное дальше. Помимо прочего врач сообщил Достоевскому, что «какая-то часть легкого сошла с своего места и переменяла положение» [6]. До этого места объяснение картины болезни понятно и прекрасно укладывается в концепцию обструктивного бронхита с эмфиземой, а изменение позиции сердца связано с низким состоянием диафрагмы. Фраза об изменении положения части легкого неясна и не может быть отнесена ни к буллезной эмфиземе, ни к иным проявлениям обструктивного бронхита. Нет ли здесь намек на формирующийся ателектаз легкого опухолевой природы? В этом же году доктор Орт еще несколько раз осматривал пациента, но к ранее сказанному ничего существенного не прибавил.

Пожалуй, окончательный ответ при скудности ретроспективных данных невозможен. Гений русской и мировой словесности прожил 59 лет, оставив нам невыразимо прекрасные и одновременно непрестые для восприятия произведения. У Федора Михайловича была весьма своеобразная привычка в трудной ситуации открывать наугад Евангелие и читать левую страницу, ища в ней ответы на мучившие вопросы. В день смерти Достоевскому открылось Евангелие от Матфея: «Юанн же удерживал его... Но Иисус сказал ему в ответ: не удерживай, ибо так надлежит нам исполнить великую правду».

Литература

1. Белинский В.Г. Полн. Собр. Соч. Т.IV, М.: 1955. – с. 281-297.
2. Достоевский А.Г. Воспоминания. М., Худ. Лит-ра, 1971. 298с.
3. Достоевский Ф.М. Письма. Т. I-IV. М.-Л., 1928-1959.
4. Достоевская Л.Ф. Достоевский в изображении его дочери. М.-Л., 1922, с.34-35.
5. Достоевский Ф.М. Собр. Соч. В 10 тт. Т. III. – С.408-523.
6. Достоевский Ф.М. и Достоевская А.Г. Переписка. «Наука», Л-д, 1976. – С.282-283.
7. Панаева А.Я. Воспоминания. М., 1972, С.132-147.
8. Яновский С.Д. Воспоминания о Достоевском // Русский вестник. – 1885. – №4. – С.78-91.